

рила бесу изшедшу от него и бысть здрав и смыслен. Отиде в дом свой радуясь, и к тому в вся дни живота его бес не възможе никоея же пакости сътворити ему».²⁵

Или чудо из Жития Артемия Веркольского.

«Чудо 2-е. Ино чудо хошу вам поведати, братие. В то же время, егда принесоша мощи святого Артемия в предел, прииде жена некая, принесе своего младенца, рукою разслаблена. И молебная сотвори господу богу и святому Николе, и приложи отрочя ко гробу святого Артемия. И бысть отроча здрава рукою. Жена же та прослави бога и святого Артемия чудотворца».²⁶

Героем каждого чуда в житиях был человек с его горестями, переживаниями и страданиями. Поэтому уже и в схематических иллюстративных рассказах о чудесах проявляется стремление объяснить психологию человека, показать его эмоции. В традиционных чудесах о прозрении слепых, например, говорится, что слепой боится сразу открыть глаза; чтобы убедиться, что слепое око прозрело, закрывает рукой здоровый глаз, и т. п. Часто приводятся рассказы исцелившихся о том, что они видели или слышали, когда совершалось над ними чудо, и т. д. И в схематических, иллюстративных чудесах встречаются исторические реалии, бытовые зарисовки. Но все это лишь элементы того, что в чудесах, подобных рассмотренным из Жития Савватия и Зосимы Соловецких, является их сущностью. Здесь главное — рассказ о примечательном случае из жизни человека, и в рассказе этом ощутимо проявляется личность рассказчика, уделяется большое внимание раскрытию человеческих чувств и настроений. В рассказах инока Савватия из Жития Савватия и Зосимы перед нами предстает человек, хорошо знающий Белое море со всеми его сюрпризами и неожиданностями, свидетель и активный участник многих морских приключений. И этот яркий, живой образ создается у читателя не из описания, не из внешней, авторской, характеристики, а из рассказов самого Савватия. Из этих рассказов мы видим, что он был опытным мореходом, которому монастырское начальство поручало исполнение трудных, связанных с риском дел. Савватий в своих рассказах не только описывает какие-то яркие, достопримечательные случаи, но и уделяет внимание характеристике человеческих взаимоотношений. Так, например, он сообщает, что ему пришлось уговаривать Ферапонта, своего спутника, зайти на остров Шужмуй, так как тот не хочет рисковать жизнью, а когда, по пути с Шужмуя, их начинают затирать льды, то Ферапонт негодует на Савватия, завлекшего его в эту историю. Во втором рассказе Савватий говорит, что люди на корабле во время бури проклинают его, Савватия, за то, что он вовлек их в это плавание. В третьем рассказе явно звучит обида Савватия на своих спутников, не внявших его совету, совету опытного морехода, из-за чего все они попали в беду.

Очень ярко и убедительно переданы переживания Андрея, плавающего на црене по Белому морю. Когда несчастный окончательно выбился из сил, то стал молить святых, чтобы они поскорее послали ему любое избавление: или спасение, или гибель. Наконец, он доходит до такого состояния, что уже не в силах ни стоять, ни сидеть и падает, «яко мертв». Когда же, выбившись из сил, Андрей видит вблизи от себя берег, то от радости он «не ведех, что сотворити».

Столь же убедительно и психологически тонко говорится в чуде «О страждущих человецех в седми судах» о чувствах мореходов, вдруг

²⁵ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. Приложения, стр. LIII.

²⁶ Житие Артемия Веркольского. — ИРЛИ, Карельское собр., № 126, л. 6 об.